

курсы принесли пользу дѣлу улучшенія учебно-воспитательнаго дѣла въ инородческихъ церковныхъ школахъ Самарской епархіи.

Краткое содержаніе бесѣды и чтеній руководителей, имѣющихъ руководственное значеніи для инородческихъ учителей, постараемся сообщить въ слѣдующей статьѣ.

Священникъ А. Ивановъ.

Священникъ Никола Строевъ *).

(Некрологъ).

Дѣятельность о. Николы не ограничивалась однимъ только исполненіемъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей. О. Никола находилъ время и для литературныхъ трудовъ. Онъ сотрудничалъ на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ редакцію которыхъ время отъ времени представлялъ мелкія замѣтки (а иногда и серьезныя статьи), почерпая матеріалъ главнымъ образомъ изъ своей пастырской и миссіонерской практики. Укажемъ хотя бы на слѣдующіе его литературные труды: „Скромный труженикъ на нивѣ Божіей“ (Епарх. Вѣд. за 1902 г., стр. 776) и „О сектѣ мормонъ по селамъ рѣки Иргиза, Николаевского уѣзда, Самарской губерніи (записки сельскаго священника) Епарх. Вѣд. за 1907 годъ, №№ 12 и 17. Это послѣднее произведеніе пера о. Николы слѣдуетъ считать вкладомъ въ науку по миссіонерству. Посвящается оно памяти незабвеннаго наставника Самарской духовной семинаріи покойнаго Н. Т. Никифоровскаго.

Вотъ какъ самъ покойный пишетъ о побужденіи своемъ издать въ свѣтъ этотъ свой трудъ.

„Прочитавъ въ Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1904 годъ братское воззваніе къ духовенству преподавателя семинаріи А. О. Малышева, гдѣ онъ обращается, между прочимъ, къ мѣстному духовенству за содѣйствіемъ въ изученіи новой мистической секты въ епархіи—мормонства, каковое, по его словамъ, наукъ почти неизвѣстно, я счелъ долгомъ вложить свою малую

*) См. № 19 Епарх. Вѣд.

ленту труда для выясненія мормонства, а потому и помѣщая свои многочисленныя наблюденія надъ нимъ, чѣмъ надѣюсь вызвать къ трудамъ въ печати и другихъ пастырей и товарищей“ (тамъ же).

Говоря о заслугахъ покойнаго, нельзя пройти молчаніемъ любовь его къ чтенію вообще. Насколько онъ любилъ это плодотворное занятіе, можетъ свидѣтельствовать его обширная личная библіотека, на приобрѣтеніе книгъ и журналовъ въ которую онъ не жалѣлъ средствъ.

Благодаря разумной любознательности о. Николы, библіотека эта обогатилась довольно цѣнными и рѣдкими изданіями; много въ ней періодическихъ изданій духовнаго содержанія, есть журналы по сельскому хозяйству, пчеловодству. Если покойный позволялъ себѣ чѣмъ гордиться, сказать къ слову, то только своей библіотекой. Все досужее время, всѣ долгіе зимніе вечера посвящалъ онъ на чтеніе полезныхъ книгъ изъ этой библіотеки. И такая глубокая начитанность, несомнѣнно, принесла покойному для его пастырской дѣятельности очень много пользы, внося въ личную его жизнь и пастырскія отношенія къ приходу много свѣта и добра... Въ такихъ привлекательныхъ чертахъ выступаетъ личность о. Николы, какъ пастыря Церкви.

Но и какъ сотоварищъ, супругъ, отецъ и домохозяинъ и вообще человѣкъ онъ имѣлъ идеальныя качества.

Какъ человѣкъ, покойный былъ глубоко вѣрующій христіанинъ; съ его устъ почти не сходило имя Божіе „Богъ дасть“, „такъ Богу угодно“, „по милости Божіей“, „помоги, Господи...“, которые постоянно слышались въ его устахъ во время разговора съ нимъ. Покойный выглядывалъ какимъ то жизнерадостнымъ, всѣмъ довольнымъ человѣкомъ. Со всѣми тяжелыми обстоятельствами своей жизни онъ легко примирялся. Терпѣливо и безропотно, со свойственнымъ ему добродушіемъ переносилъ онъ постигавшее его семейное горе, твердо вѣря, что земныя несчастія посылаются намъ Богомъ для нашего же блага. Бывало, рассказывали намъ его близкіе родные, случится въ домъ какая либо бѣда: покража-ли, скотинка-ли падеть и т. п., — мы плачемъ,

«скорбимъ, а онъ спокойно скажетъ: „будетъ вамъ плакаться-то... Не плакать; а радоваться нужно, что Господь такъ малымъ насъ наказываетъ за грѣхи наши. Если бы этого (несчастія) не случилось, то пришлось бы больше понести, а теперь слава Богу, оно миновало“ ...

Предлагая своимъ пасомымъ съ церковной кафедры или въ частной бесѣдѣ высокія евангельскія истины, о. Никола и самъ старался проводить ихъ въ своей жизни, чтобы слово у него не расходилось съ дѣломъ. Такъ, сребролюбіе, напр., было чуждо душѣ о. Николы. Платой „за требы“ онъ довольствовался малою, существующею въ приходѣ его десятка лѣтъ, и попытокъ къ ея увеличенію не дѣлалъ. Несмотря на то, что онъ служилъ въ безбѣдномъ, даже богатомъ приходѣ, онъ часто нуждался въ деньгахъ и послѣ себя не оставилъ не только какихъ либо денежныхъ сбереженій, но не оставилъ почти ничего даже и на свое погребеніе. Имѣемъ объ этомъ свидѣтельство и отъ „внѣшнихъ“ *)

Видно, не словомъ только покойный проповѣдывалъ другимъ: „не скрываете себѣ сокровища на земли.“ (Мѡ. 6 гл. 19—20), но самую жизнь свою исповѣдывалъ эту святую—для многихъ камень преткновенія въ дѣлѣ спасенія—истину.

Великую евангельскую заповѣдь: „возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себѣ“ (Мѡ. 22 гл. 89 ст.) О. Никола всегда стремился осуществить въ своей жизни.

Усопшій былъ образецъ родственной любви. Съ глубокимъ почтеніемъ, покорностію и преданностію относился онъ къ своимъ родителямъ, и родственнымъ радушіемъ ко всѣмъ другимъ ближнимъ. Любилъ онъ и всѣхъ людей и сослуживцевъ, и подчинен-

По вношеніи тѣла покойнаго въ церковь, къ замѣстителю о. благочиннаго, подошла депутація во главѣ съ церковнымъ старостой, испрашивая позволеніе поставить по ту и другую сторону гроба тарелки или кружки для сбора денежныхъ пожертвованій въ пользу семейства о. Николы...

Депутація предложено было выразить свою дань признательности, какъ къ ихъ не забвенному батюшкѣ, такъ и осиротѣлому его семейству послѣ, а не удручать „этими сборами“ въ настоящее время и такъ подавленную горемъ вдову почившаго.

ныхъ, и чужихъ, для всѣхъ былъ доступенъ, со всѣми и всегда обращался въ высшей степени ласково и вѣжливо, ко всѣмъ былънисходителенъ, всѣмъ готовъ былъ оказать возможную для него услугу. Вотъ безпристрастный отзывъ о немъ его прихожанъ: „со старымъ онъ былъ старымъ, а съ малымъ—малымъ, со всѣми онъ былъ ласковъ и привѣтливъ, всѣмъ старался угодить, всѣмъ услужить“.

Отличительною чертою характера покойнаго была стойкость въ своихъ убѣжденіяхъ, безпристрастное отношеніе къ окружающимъ и отсутствіе всякаго искательства предъ высшими: онъ не искалъ популярности, не старался выдѣляться между своими собратіями и обращать на себя вниманіе начальства. Это пришло само собою. Исполняя свои обязанности честно, — по совѣсти, занимая довольно видное положеніе среди духовенства округа, онъ всегда держалъ себя скромно, къ своимъ собратіямъ—сосѣднимъ священникамъ относился по товарищески, а къ подчиненнымъ, къ своему причту, былъ всегда справедливо требователенъ, своимъ характеромъ всегда уравновѣшаннымъ, своимъ тактомъ и добродушіемъ о. Никола умѣлъ поддержать среди членовъ своего причта миръ и любовь, почему и заслуживалъ себѣ отъ нихъ расположеніе и уваженіе.

Въ своей частной жизни онъ былъ любящимъ и необыкновенно заботливымъ супругомъ и отцомъ, гостепріимнымъ и радушнымъ хозяиномъ, пріятнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ, — вотъ почему и домъ его такъ охотно и часто посѣщался его добрыми знакомыми и сотоварищами по службѣ. Посторонніе, посѣщавшіе домъ о. Николы, замѣчали въ немъ какую-то особенную атмосферу, гдѣ всякому дышалось легко и привольно. Гостепріимный и хлѣбосольный хозяинъ дома держалъ себя въ высшей степени просто, и былъ душею общества. Почившій, какъ чловѣкъ, имѣлъ какія-то особенныя качества души, привлекавшія къ нему всякаго, кто входилъ съ нимъ въ общеніе. Самая внѣшность его была замѣчательна: представительная наружность, благообразное красивое лицо (онъ былъ выше средняго роста), свѣт-

мый, ласкающій взоръ, благодушная улыбка производили чарующее впечатлѣніе на каждаго.

Домашняя жизнь о. Николы была проста, скромна и незатѣйлива. Все, что видѣлъ почившій въ домѣ своего родителя *) онъ постарался перенести и насадить и въ своемъ домѣ. Нося въ своемъ сердцѣ привязанности къ своей супругѣ и дѣтямъ, о. Никола любилъ отдыхать у своего семейнаго очага, отъ своихъ тяжелыхъ пастырскихъ трудовъ.

Занятіе съ дѣтьми было любимымъ его занятіемъ въ свободные досуги. Какъ то старшему его сыну, уже обучавшемуся въ духовномъ училищѣ, было предоставлено держать экзамень послѣ каникулъ. Попечительный родитель самъ, безъ всякаго репетитора, проштудировалъ съ своимъ первенцомъ все пройденное когда-то имъ самимъ, да такъ его подготовилъ къ экзаменамъ, что послѣдній своими успѣхами удивилъ не мало наставниковъ, назначавшихъ ему эти экзамены по малоуспѣшности.

Отзывчивый на все доброе, честно относясь къ своему долгу пастыря и гражданина, онъ хотѣлъ таковыми сдѣлать и дѣтей своихъ, почему вмѣстѣ съ доброй подругой своей болѣе всего радѣлъ о правильномъ воспитаніи и обученіи ихъ и, умирая, имъ завѣщалъ „быть людьми“. **) Вообще домашняя жизнь почившаго носила отпечатокъ тихаго, семейнаго счастья, и производила самое благоприятное впечатлѣніе на знавшихъ ее.

Желая собственнымъ примѣромъ внушить прихожанамъ любовь къ сельскому труду, покойный занимался хлѣбопашествомъ,

*) Всякій кто читалъ „Воспоминанія“ о родителѣ почившаго, священникъ Петръ Г. Строевъ (Е. В. за 1908 г. №№ 12 и 13), вполне увидитъ, что домашнія условія жизни у своихъ родителей способствовали развитію и утвержденію въ сердцѣ о. Николы всѣхъ качествъ, необходимыхъ для достойнаго прохожденія имъ пастырскаго служенія. Эти „Воспоминанія“, въ которыхъ такъ живо и съ глубокимъ чувствомъ рисуется пастырь—дѣятель на приходѣ, были въ свое время перепечатаны и въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ за 1908 № 37, стр. 1816.

**) Всего послѣ покойнаго осталось пять человекъ дѣтей, изъ нихъ два мальчика обучаются въ духовномъ училищѣ, а дѣвочка въ снархальномъ женскомъ училищѣ; 2-е же малютокъ, изъ которыхъ младшей дочери всего только нѣсколько мѣсяцевъ, живутъ при матери.

сѣялъ пшеницу, хотя и немного, и занимался въ послѣднее время пчеловодствомъ и былъ незаурядный между сельскими священниками пчеловодъ *).

Какъ достойный ученикъ своего учителя—родителя, о. Никола обладалъ не малымъ искусствомъ въ плотническомъ и столярномъ ремеслѣ. Не рѣдкою было встрѣтить почившаго съ топоромъ и пилою около станка, съ лопатою, съ „мотыгою“ въ рукахъ, копающимся въ своемъ саду, дающимъ первые уроки неопытному рабочему.

О садикѣ о. Николы слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Лѣтъ 13 тому назадъ настоящей общественной домикъ о. Николы, и тогда еще почернѣвшій отъ времени, особенно своей деревянной крышей, стоялъ особнякомъ на пустырь огромной церковной площади. Вблизи этого жилища покойнаго находился, разсказывали, небольшой овражекъ, куда обыватели сваливали всякаго рода мусоръ и золу отъ печей. По его ходатайству М. Глушицкое общество отвело ему указанное мѣсто вокругъ всего дома, площадью около десятины, да вдобавокъ еще „за усердіе“ по переустройству храма подарило ему лѣса, при которыхъ храмъ этотъ устранился. Работа закипѣла. Очищено и огорожено было мѣсто подъ садъ. Началось копанье ямъ, посадка и пересадка деревьевъ, полученныхъ покойнымъ съ мѣста родины, устройство колодца „чигиря“ и т. п. Все это было дѣломъ рукъ покойнаго или дѣлалось по его указанію. И вотъ, гдѣ былъ раньше пустырь, теперь красуется прекрасный садикъ! Здѣсь же въ саду поставлены покойнымъ „рамчатые улья“, изъ которыхъ въ прошломъ году мы угощались его „собственнымъ“ медомъ. ***) Видѣвшіе это „заброшенное“ мѣсто лѣтъ 12—15 тому назадъ прихожане, уѣзжавшіе тогда на жительство въ Сибирь и въ прошломъ году вновь вернувшіеся на старое пепелище, просто диву дались „какъ

*) Посѣвщикъ онъ былъ, говорили, незавидный: всѣмъ вѣрять: а съ ныгѣшнимъ народомъ, да еще со страннымъ, такъ вести хозяйство невозможно....

**) Въ саду же устроенъ покойнымъ домикъ для своей родительницы (фасадомъ на церковную площадь), хотя, правда, на средства послѣдней

это покойный смогъ на золѣ устроить такую прелесть“. Входя самъ во всѣ стороны своей домашней жизни о. Никола въ отношеніи къ своей прислугѣ и вообще рабочему люду былъ несказанно простъ, ласковъ и добръ. Служить въ его домѣ считалось величайшимъ счастіемъ, къ нему всегда съ охотой шли въ услуженіе и съ горькими слезами съ нимъ разставались.

Словомъ, почившій не любилъ быть безъ дѣла и хотя жилъ въ деревенской глуши, но не испыталъ, что такое скука. Взвѣсивъ на такую примѣрную жизнь своего молодого, сравнительно, пастыря, прихожане видѣли и заботы о нихъ и глубоко убѣждались, что по милости Божіей съ ними живетъ и дѣйствуетъ такъ плодотворно и душеспасительно пастырь добрый, готовый положить душу свою за овцы своя. Отсюда понятными становятся тѣ рѣдкія, любовныя, чистородственныя, чистосемейныя отношенія, какія установились и сохранились, между пастыремъ и паствою его въ приходѣ. Прихожане любили покойнаго какъ добраго пастыря и отца своего и относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ и открытой душой *) Неудивительно поэтому, что на всѣ предложенія почившаго по благоустройству храма, улучшенію быта бѣдныхъ прихожанъ, школы и т. п. они отвѣчали полною готовностію.

*) Особенное довѣріе покойному они оказали въ памятный 1905 г. Известно, что въ этомъ году, благодаря разнаго рода агитаціи „освободителей“, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего уѣзда, не столь отдаленныхъ отъ с. Малой Глушицы (близъ с. Хворостянки, хутора Субботина и др.) начались волненія, пожары и грабежи.

Нѣкое „броженіе умовъ“ замѣчалось и въ с. Малой Глушицѣ. О. Никола зналъ это и не мало болѣлъ душой о неразуміи заблудающихъ. И вотъ онъ, будучи преданнымъ сыномъ св. церкви и вѣрнымъ присягъ своему царю, во имя требованій Христова ученія, рѣшился твердо и смѣло выступить въ нужную минуту противъ непризванныхъ учителей съ публичною рѣчью (на приходскомъ сходѣ).

Его вдохновенная рѣчь, проникнутая любовью къ церкви, царю и отечеству, сильно подѣйствовала на многочисленныхъ слушателей, жаждущихъ выслушать слово своего любимого батюшки.

Покойный ясно выяснилъ народу истинный смыслъ и значеніе происходившихъ событій и чрезъ то умиротворилъ волнующееся населеніе. Здѣсь невольно вспоминались евангельскія слова: „...а входящій дверью есть пастырь ошамъ...“ И овцы гласъ его слышать и по немъ идутъ“.

Особенно проявленіе народнаго чувства къ о. Николѣ обнаружилось, когда разнеслась вѣсть о его кончинѣ. Народъ шель толпами не только изъ своего прихода, но изъ сосѣднихъ селъ (напр. Константиновки, гдѣ ему, какъ ближайшему сосѣду, не рѣдко приходилось отправлять богослуженія и требы), проститься съ любимымъ батюшкой. И это въ самый, такъ сказать разгаръ работъ въ полѣ (время посѣва хлѣба). Панихиды по о. Николѣ, выносъ въ церковь его тѣла, отпѣваніе и погребеніе были глубоко трогательною картиною всеобщей скорби, плача и рыданій. Это по истинѣ была всенародная скорбь о своемъ любимомъ пастырѣ. Но о кончинѣ и погребеніи покойнаго скажемъ нѣсколько подробнѣе.

Смерть о. Николы была неожиданной для семьи, прихожанъ и духовенства округа. Крѣпость силъ (физическихъ) обѣщала ему еще многіе годы. Еще во вторникъ на четвертой недѣлѣ Великаго поста, на публичной его бесѣдѣ съ сектантами въ селѣ Барсуковкѣ онъ казался совершенно здоровымъ и никто изъ видѣвшихъ его тогда не могъ помышлять о томъ, что это будетъ послѣднее свиданіе съ о. Николой. Но Богъ судилъ иначе. Сказанная бесѣда, начавшись вечеромъ того числа продолжалась до 2 часовъ ночи слѣдующаго дня безъ отдыха, въ душномъ отъ многолюднаго собранія людей школьномъ помѣщеніи. По окончаніи бесѣды, обливаясь потомъ, о. Никола не остался ночевать въ Б—кѣ, а посидѣвши ночью же уѣхать въ свой приходъ, въ сырую и холодную, съ пронизывающимъ вѣтромъ, погоду. Возвратившись домой, онъ въ тотъ же день сталъ жаловаться на нездоровье. У него образовалось воспаленіе легкихъ. Эта болѣзнь имѣла роковыя послѣдствія, приведшая больного къ скоротечной чахоткѣ и къ безвременной могилѣ.

О. Никола, однако, мужественно и съ смиреніемъ боролся съ тяжелымъ недугомъ, съ полной вѣрою во всемогущество и милость Божию. Несмотря на тяжкія страданія онъ поражалъ всѣхъ, видѣвшихъ его болынымъ необыкновеннымъ терпѣніемъ и необыкновенною деликатностію; за малѣйшія услуги всѣхъ благо-

дариль, не только чужихъ, но и присныхъ. Надежды на его выздоровленіе не оставляли ни самого болящаго, ни окружавшихъ его родныхъ до послѣдняго дня его жизни. Онъ все время крѣпился и старался казаться бодрымъ. Даже незадолго до смерти, несмотря на тяжелую болѣзнь, покойный едва двигаясь, не переставалъ совершать Богослуженіе и всѣ требоисправленія въ приходѣ. 19 марта, въ Великій четвергъ, когда ему было особенно тяжело, не взирая на убѣжденія домашнихъ, онъ, по всегдашнему своему усердію къ отправленію пастырскихъ обязанностей, явился къ Богослуженію въ храмъ. (Сюда привезли его на саняхъ по голой землѣ). *) Совершая Богослуженіе, онъ, изнемогая силами, часто присаживался, чтобы отдохнуть. Сила Божія въ немощахъ совершается. Господь помогъ болящему совершить утреню и литургію въ этотъ день и даже достало силы удостоить за литургією св. Причащенія до 300 человекъ говѣющихъ на этой седмицѣ (ихъ покойный исповѣдывалъ наканунѣ, а часть—предъ литургією въ Четвергъ же)!

Но это было послѣднее его служеніе онъ слегъ въ постель, болѣзнь его быстро стала усиливаться, и ничто уже не могло спасти страдальца: ни заботливый уходъ семьи, ни лечебное искусство...

Почувствовавъ нужду въ таинствѣ елеосвященія, покойный предложилъ совершить оное прибывшему посѣтить его въ болѣзнь своему родственнику—священнику. Это было наканунѣ смерти, за нѣсколько часовъ до ея наступленія. Будучи усаженъ въ кресло, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія приступилъ покойный къ сему Таинству св. Церкви. (Причаститься св. Таинъ покойный сподобился нѣсколько раньше). Первое евангеліе онъ самъ прочиталъ и прочиталъ, слѣдуетъ сказать, довольно громко и отчет-

*) Прибыть въ М. Глушицу и замѣнить покойнаго въ служеніи въ это время кому либо изъ сосѣднихъ священниковъ, за распутицей, не представлялось возможности. О. Н—да оставался одинъ въ приходѣ. Такъ какъ для него особенно тяжело было оставлять богослуженіе въ храмѣ въ такіе великіе дни, какъ страстная седмица, то онъ и рѣшился служить, несмотря на крайній упадокъ своихъ силъ.

ливо; самъ говорилъ и положенный возгласъ, но потомъ, за упадкомъ силъ, онъ могъ только, склонивъ голову, внимать молитвѣ о себѣ...

Послѣ соборованія покойному стало какъ бы получше, но не надолго. Скоро онъ сталъ терять сознание, съ нимъ открылся бредъ. Въ такомъ состояннн онъ то кому-то и что-то доказывалъ (все поминалъ католиковъ, ксендзовъ...), то кого то смиренно благодарилъ. Послышалось пѣніе. Покойный, хотя и не совсѣмъ связно, но нѣсколько разъ пропѣлъ: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресеніе Твое славимъ!...“

Наконецъ сознание прояснилось. Этимъ моментомъ воспользовалось изстрадавшее семейство, чтобы принять благословеніе отъ своего кормильца и отца. Подошелъ проститься сослуживецъ покойнаго, приходскій діаконъ Петръ И. Бѣдняковъ, въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ (съ 1878 г.) непрерывно состоящій діакономъ въ с. Малой Глушицѣ. Покойному хватило силы сказать послѣднему: „о, діаконъ, о, діаконъ! Какъ хотѣлось мнѣ видѣть васъ здѣсь священникомъ, своимъ помощникомъ, но, видно, не суждено было“... Діаконъ отошелъ отъ него со слезами. Послѣ этого покойный какъ бы опять забылся, но по всему видно было, что онъ молится, углубляется въ себя... Тутъ подошла къ нему вся въ слезахъ родительница и привѣтствовала его радостнымъ: „Христось Воскресе, Колинька!“ — Воистину Воскресе!.. мама. Но слова эти были сказаны, хотя и разборчиво, но голосомъ слабымъ, „надтреснутымъ“, какъ бы замогильнымъ. Это были послѣднія слова покойнаго. Дыханіе стало рѣже, рѣже и... еще (моментъ) мгновеніе и истомленная душа его, при чтеніи „отходной“ молитвы, въ два часа утра, тихо и мирно отошла ко Господу. Такъ и умеръ покойный среди радостныхъ мыслей о Воскресеннн Господа!...

Рано утромъ, едва прозвучалъ заунывный церковный колоколь, со всѣхъ сторонъ спѣшилъ народъ къ мѣсту печальнаго событія, не поддѣльными слезами оплакивая горестную утрату. Горе оставшейся семьи было неописуемо...

Въ среду 8 апрѣля, въ 4 часа дня, по прїѣздѣ замѣстителя мѣстнаго о. благочиннаго, *) священника села Вязовки, Дергуновки Петра Ѳ. Соколова, состоялся выносъ почившаго въ церковь, а затѣмъ была совершена всенощная въ присутствїи множества народа. Въ 8 часовъ утра слѣдующаго дня соборно отправлена была заупокойная литургія, въ служенїи коей участвовали 5 священниковъ, 3 диакона и 3 псаломщика при хорѣ мѣстныхъ пѣвчихъ, а послѣ нея началось отпѣваніе, совершенное 7 священниками. Дивное величественное пѣніе и въ высшей степени назидательное чтеніе изъ чина погребенія священниковъ произвели умилительное дѣйствіе на молящихся, простоявшихъ безъ утомленія до конца службы, несмотря на ея продолжительность. Положенное чтеніе церковныхъ стихословій отъ лица усопшаго (послѣ кондака „со святыми упокой“), совершаемое по очереди всѣми сослужащими священниками, и особенно протяжное всякій разъ (числомъ 23) троекратное пѣніе съ «перерывами» одними только священно-церковно-служителями „Аллилуїа“ (по обычаю существующему въ сосѣдней съ нами Саратовской епархіи), прямо производили потрясающее впечатлѣніе.

На погребенїи были произнесены задушевныя надгробныя рѣчи тремя священниками (одна изъ нихъ наканунѣ при ввезенїи тѣла покойнаго въ храмъ), въ которыхъ была охарактеризована личность о. Николы, какъ примѣрнаго, неутомимаго и добраго пастыря церкви, отца семейства и человѣка. Въ заключенїи своего слова одинъ изъ проповѣдниковъ, обращаясь къ прихожанамъ, между прочимъ, сказалъ:

... „И вы, прихожане храма сего не забывайте въ своихъ молитвахъ почившаго своего пастыря; запишите имя его въ своихъ поминаньяхъ вмѣстѣ съ своими родными и, когда будете приходить въ церковь, не забывайте зайти на его могилу; это требуетъ отъ васъ признательность къ нему за его любовь къ вамъ и за то добро, которое онъ дѣлалъ вамъ, будучи вашимъ пастыремъ“.

*) По стеченію обстоятельствъ мѣстный о. благочинный, священникъ П. Ѳ. Соколовъ не могъ участвовать въ погребенїи о. Н-лы.

Рѣчи были выслушаны съ глубокимъ вниманіемъ и вызвали у многихъ и многихъ искреннія слезы на глазахъ, а по мѣстамъ раздались и рыданія. Никто не могъ удержаться отъ слезъ при видѣ дорогого покойника, величаво почивающаго въ полномъ священническомъ облаченіи и камилавкѣ въ своемъ простомъ, окрашеномъ черной краской, деревянномъ гробѣ, и его несчастной семьи, оставшейся безъ всякихъ средствъ... *) Нищія отъ безутѣшнаго плача перешли даже къ громовому крику (нѣчто вродѣ „истерическихъ“ выкрикиваній: „Кормилецъ ты нашъ!... Золотой нашъ... Зачѣмъ ты насъ покидаешь?!... ***) Священно-церковнослужители, потрясенные общимъ воплемъ и рыданіемъ, плакали съ плакавшими...

Зрѣлище было поразительное и высокосвященное, предъ которымъ блѣднѣетъ мысль о всякой земной славѣ.

Послѣ отпѣванія тѣло почившаго на раменахъ священниковъ было вынесено изъ храма при пѣвнн положеннаго канона „Помощникъ и Покровитель бысть мнѣ во спасеніе“... и обнесено вокругъ него. При опусканіи въ могилу тѣла его раздались душу раздирающіе крики родительницы почившаго ***) : „Красавчикъ, любимчикъ ты мой“... Куда мнѣ безъ тебя дѣваться?!.. У несчастной подкосились ноги и она, лишенная чувствъ, на рукахъ

*) Къ великому прискорбію, и въ будущемъ семья эта лишена права на пенсію, хотя бы и въ меньшемъ размѣрѣ, такъ какъ покойный не дослужился до узаконеннаго времени ея полученія.

Но горе въ жизни не бываетъ безъ нѣкоторой радости... На дняхъ милостивой резолюціей нашего Владыки, Преосвященнѣйшаго Константина, Епископа Самарскаго преемникомъ почившему опредѣленъ близкій родственникъ вдовы, чѣмъ на первыхъ порахъ отерта слеза безпріютныхъ и беспомощныхъ сиротъ. Можно надѣяться, что жители с. М. Глушицы въ будущемъ не оставятъ безъ вниманія это осиротѣлое семейство ихъ незабвеннаго батюшки, а будутъ имѣть его „по презлиха въ любви“ своей. Ими уже етдана въ потомственное владѣніе [на 99 л.] семейству Строевыхъ $\frac{1}{2}$ сказаннаго садика, примыкающая къ домику родительницы покойнаго, на что составленъ надлежащій приговоръ.

**) Это было, наканунѣ отпѣванія, при внесеніи тѣла почившаго въ храмъ.

***) У нея имѣется только одинъ еще сынъ, нынѣ студентъ Московскаго Университета.

отнесена была отъ гроба. Съ болью сердца еще разъ взглянули мы на дорогой гробъ, и онъ навсегда скрылся отъ насъ въ нѣдрахъ земныхъ.

Тяжело стало на душѣ... Думали-ли мы провожать жизне-радостнаго о. Николу Петровича такъ рано туда, откуда нѣтъ возврата... Да... чувствовалось, что здѣсь свернулась жизнь, угасшая въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ, жизнь только что развернувшаяся какъ для собственнаго счастья, такъ и для счастья близкихъ своихъ. Невольно вспоминалось стихотвореніе, изученное нами еще въ бытность въ стѣнахъ семинаріи. (Приведемъ въ отрывкахъ, какъ помнимъ).

(„Вопль и стоны оглашаютъ нынѣ смертью“)

„Вопль и стоны оглашаютъ

Нынѣ смертію посѣщенный домъ,

Чу... въ колоколь церковный ударяютъ,

А вотъ и гробъ уносятъ съ мертвецомъ.

Ахъ, умеръ ненаглядный!...

Какъ о немъ рыдаетъ горько мать:

Умеръ другъ нашъ братъ

Идемъ те-же хладный трупъ его къ могилѣ провожать.

Да, онъ слишкомъ молодъ для могилы,

Онъ, увы, угасъ въ весеннихъ дняхъ.

Подъ землей, не зная сновидѣній,

Мертвецы въ могилахъ мирно спятъ,

И все осталось безъ исполненія,

Все, о чемъ мечталъ ты юный братъ!

Встанетъ солнце надъ твоей могилой,

Ты его лучей не ощутишь,

Вѣтерокъ повѣетъ легкокрылый,

Но въ твоей могилѣ-мракъ и тишь.

Взоръ любви тебя не озарить.

Горе намъ: напрасень стоишь нашъ слезный,

Ясный взоръ твой навсегда закрыть“...

Да... Жаль было разставаться съ такимъ человѣкомъ, ка-

ковъ былъ о. Никола, оставившій по себѣ самыя свѣтлыя воспо-
минанія... Но... да будетъ воля Господня!

По совершеиіи погребальнаго обряда состоялось затѣмъ обыч-
ная поминальная трапеза, за которой въ домѣ и во дворѣ было
накормлено около 200 человѣкъ. Добре его помянули!

Вѣчная память тебѣ, добрый пастырь! Миръ праху твоему
и вѣчный покой душѣ твоей, честный и скромный труженикъ,
отдавшій свои силы на благо св. Церкви и православнаго народа!

Священникъ *Василій Лебедевъ*.

Изъ мѣстной жизни

Монаршее благоволеніе.

Въ дополненіе къ сообщенію объ открытіи второго Епар-
хіального женскаго училища въ г. Николаевскѣ („Самарск. Епарх.
Вѣдом.“ № 20 за 1909 г. стран. 713—718) нужно сказать
слѣдующее.

Въ отвѣтной телеграммѣ Преосвященному Константину на
его архипастырское привѣтствіе участники торжества освященія и
открытія новаго училища просили Его Преосвященство довести
до свѣдѣнія Государя Императора о вѣрноподданическихъ чув-
ствахъ и сыновней преданности ихъ по случаю открытія новаго
свѣточа просвѣщенія на пользу мѣстнаго глухого края. Велѣдствіе
произведенныхъ сношеній съ г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго
Синода по данному дѣлу отъ послѣдняго архипастыремъ получено
сообщеніе, что на его всеподданиѣшемъ докладѣ объ изъяснен-
ныхъ чувствахъ Государю Императору благоугодно было, въ 3-й
день октября 1909 г., въ Ливадіи, собственноручно начертать:
„прочель съ удовольствіемъ“. Предложеніе архипастыря неотклонно
объявить таковую резолюцію Его Императорскаго Величества
всѣмъ участникамъ торжества, выразившимъ свои вѣрноподдани-
ческія чувства, было точно исполнено и вызвало во всѣхъ высоко-
радостное и восторженное настроеніе.

Торжественное празднованіе 25-лѣтняго юбилея церковныхъ школъ въ г. Самарѣ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, 13 іюня 1884 года, державною волею блаженной памяти незабвеннаго Императора Александра III вызваны были къ жизни церковно-приходскія школы на святой Руси. Духовенство, устранившее доселѣ по независимымъ отъ него обстоятельствамъ отъ великаго и важнаго дѣла народнаго образованія, въ 1884 году призвано было къ воспитанію и образованію народа въ духѣ православной Церкви. Безсмертныя и незабвенныя слова Царя-Миротворца, Всемилоствѣйшіе начертанныя Его собственною рукою: „*Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ*“,—своимъ мощнымъ призывомъ къ великому святому дѣлу всколыхнули все тогдашнее духовенство, вдохнули въ него бодрость духа и энергію, окрылили его и вселили свѣтлыя надежды на лучшее будущее для русскаго народа. Получивъ въ свои руки великое дѣло народнаго образованія, духовенство встрепенулось и со свойственной ему энергіей, съ присущею ревностію и усердіемъ, горячо взялось за это дѣло: начало открывать и заводить свои школы, строить школьныя зданія и учить дѣтей... Конечно, въ началѣ, на первыхъ порахъ, пока еще у духовенства, можно сказать, не было никакихъ денежныхъ средствъ на это огромное дѣло, школъ было мало, онѣ были очень скудны и терпѣли большую нужду въ средствахъ, учащихся и учащихъ въ нихъ тоже было немного. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ притока денежныхъ средствъ какъ отъ частныхъ благотворителей и жертвователей, такъ и со стороны самого духовенства, отъ церквей, отъ сельскихъ обществъ и т. п., и наконецъ—при помощи нѣкоторыхъ субсидій отъ казны, дѣло это постепенно стало крѣпнуть, расти и расширяться, такъ что въ настоящее время, по прошествіи 25 лѣтъ, дѣло церковно-школьнаго образованія на Руси достигло довольно широкихъ размѣровъ: церковныя школы въ настоящее время въ Имперіи исчисляются уже цѣлыми десят-